

ОБРАЗ БУДУЩЕГО МИРОПОРЯДКА И СТРАТЕГИИ РОССИИ

Н.С. Розов

*Институт философии и права
Сибирского отделения РАН*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы глобальных тенденций мирового развития, предотвращения мировых конфликтов, выравнивания уровня экономического и политического развития стран в глобальном масштабе.

Ключевые слова: мегатенденции, двухъярусная система безопасности, геополитика.

Сочинять историю впрок – увлекательнейшее занятие
Ярослав Гашек

Всё, что существует на свете, когда-то было мечтой.
Карл Сендберг

Нужен нормативный образ глобального будущего

Одна из важных причин непоследовательности современной внешней политики России – отсутствие ясного представления о предпочтительном образе мирового порядка, с которым можно было бы сопоставлять национальные интересы, приоритеты, разрабатываемые стратегии и текущие решения.

Пресловутый «прагматизм», кажется, уже почти всем застил глаза. Во внешней политике России он зачастую сближается с принципом «С волками жить – по-волчьи выть». Особенно плохо такая «волчья» политика сочетается с привычными для официозных речей словесами об особой российской «духовности».

Однако в России действительно есть более высокая и достойная интеллектуальная и нравственная традиция в осмыслении мировой политики и глобального будущего, чем примитивный «прагматизм». Достаточно вспомнить идеи Д.С. Сахарова и М.С. Горбачева о новом мышлении, о новом, более гуманном образе мирового порядка. Эту традицию сейчас чуть ли не в одиночестве развивает Сергей Ковалев в своей доктрине «идеалистической по-

литики», пусть и чрезмерно наивно в некоторых пунктах¹. Можно ли этот высокий нравственный пафос сочетать с более или менее реализуемыми проектами переустройства основных институтов, регулирующих международные взаимодействия?

До сих пор роль желаемого для России образа мировой политики играет общеизвестная доктрина: переход к пресловутой «многополярности», восстановление гегемонии России на постсоветском пространстве, признание ее важнейшими центрами силы (Объединенной Европой, США, Китаем) как великой и равной им державой. Сюда же относятся явные позы-вы Кремля к восстановлению расстановки сил «холодной войны», что манит призрачным возвратом к статусу сверхдержавы.

Беда таких мечтаний не только и не столько в нереалистичности, сколько в том, что необходимые ими действия Кремля приводят ровно к обратному результату – росту отчуждения от России, ее изолированности, неуклонному отпадению даже самых «верных» союзников (таких как Белоруссия, Армения, Таджикистан), к насмешкам и пренебрежению со стороны мирового сообщества².

Какова же альтернатива? Оттолкнемся от основных структурных характеристик современного мирового порядка и представим его эскизный проект в рамках понятийных каркасов универсальной модели исторической динамики и трех мегатенденций мирового развития³.

Социальный резонанс и мегатенденция «лифт»

Перспективный ответ обуславливает переход к фазе «Социальный резонанс»: здесь интересы, установки и стереотипы влиятельных групп, широких масс связываются с выбранным направлением ответа, соответствующими социальными структурами, новыми символами, что часто персонифицируется в фигуре и имени лидера. Основа социального резонанса – *положительное подкрепление* для влиятельных групп и расширяющегося круга сторонников от результатов выбранного направления деятельности (рис. 1)

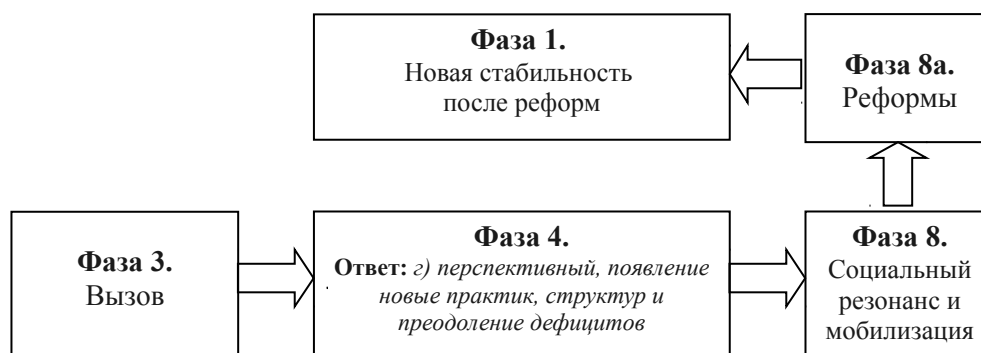

Рис. 1. Контур установления новой стабильности после крупных реформ, проведенных в течение поколения (25-30 лет).

¹ Ковалев, С. Политический идеализм и реальная политика: вызов XXI века // Ежедневный журнал. 3 марта 2010 [Эл. ресурс]/ С. Ковалев. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ej.ru/?a=note&id=9918>, свободный.

² Ясный и удручающий сигнал – фактическое исключение России из G8 в начале 2010 г.

³ Розов, Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития/ Н.С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992; Розов, Н.С. Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики/ Н.С. Розов // Полис. – 2009. – № 3. – С. 34-46.

Основа успеха ответа на вызов состоит в совокупности взаимоподкрепляющих деятельностей и поведений. Социальный резонанс может длиться месяцы и годы.

Для макроистории и социальной эволюции большое значение имеют продолжающиеся в поколениях ответы – *динамические стратегии* как совокупности согласованных стратегий и практик с единой объективной ориентацией и таким накоплением результатов, что в течение двух или более поколений они становятся плацдармом (ресурсами, средствами, возможностями) для продвижения в том же направлении.

Динамические стратегии ведут к многообразным тенденциям роста (рост производства, торговли, богатства, населения, могущества, контролируемой территории, престижа, привлекательности и т.д.). Известно, что *всякий рост обуславливает рост потребности в ресурсах*, соответственно, приводит к новым вызовам и необходимости находить новые адекватные ответы. Отсюда следуют два принципиальных сценария:

1. *свертывание динамической стратегии*, когда ресурсов недостаточно, новые вызовы не преодолеваются, тенденции роста приводят к росту дефицитов, что снижает сам рост, т.е. устанавливаются отрицательные обратные связи между тенденциями;
2. *развертывание комплекса динамических стратегий*, когда получен доступ к изобильным ресурсам, новые вызовы преодолеваются новыми обеспечивающими стратегиями (соответственно, эффективными социальными структурами и практиками).

Надежный и длительный успех сопровождает не изолированные стратегии, но комплексы стратегий, что можно показать на двух почти наглядных примерах: завоевательной и экстенсивной коммерческой стратегии (создание на новых территориях новых рынков сбыта и производств).

Как завоевания, характерные для империй, так и геоэкономическая экспансия, характерная для современного капитализма, успешно продолжают в течение двух и более поколений, только если сопровождаются социоинженерной (создание полицейских, налоговых, судебных, финансовых структур и служб) и культурной (распространение религии, идеологии, образования, стандартов материального и духовного потребления) динамических стратегий.

Рис. 2. Контур крупных эволюционных скачков (прогрессивных революций, социальных ароморфозов).

Именно успешный комплекс динамических стратегий переводит систему в *фазу Мегатенденция «лифт», социальный ароморфоз*. «Лифт» – это тренд-структура с контурами положительной связи между тенденциями роста при слабости (блокировании) тормозящих негативных связей. Многогранный подъем и расцвет («европейское чудо», «японское чудо» и т.д.) происходят благодаря действию этих мощных всеохватных механизмов.

«Лифт», вообще говоря, может остановиться на любом «этаже роста», как раз вследствие появления непреодолимых дефицитов, активации негативных связей и т. д. (рис. 3).

В некоторых случаях фаза «Лифт-ароморфоз» делает общество образцом для подражания других обществ, становится эволюционно необратимой. Тогда это явление *исторической динамики* обретает статус явления *социальной эволюции*⁴. Такие феномены называются также эволюционным скачком, прогрессивной революцией (неолитическая революция, военная революция, промышленная революция, научно-техническая революция), генезисом (антропогенез, политогенез, рождение цивилизации). Самим этим трансформациям посвящена особая модель⁵.

Мегатенденции мирового развития

В начале 1990-х гг. в книге «Структура цивилизации и тенденции мирового развития» были выделены три мегатенденции как устойчивые связи взаимоусиливающих тенденций в разных сферах (прежде всего, геоэкономике, геополитике, геокультуре и глобальной экологии). Каждая мегатенденция была определена как совокупность контуров положительной обратной связи между тенденциями (трендами) из разных сфер: политической и геополитической, экономической и геоэкономической, культурной и геокультурной, социальной, экологической, технологической⁶.

Мегатенденция I, условно названная «*Вестернизацией*», включает большинство известных процессов и явлений, которые позже стали пониматься в рамках парадигмы «глобализации». Огромную силу этого мегатренда сейчас подкрепляет Китай как экспортер глобального масштаба.

За прошедшие годы Мегатенденция I, с одной стороны, значительно усилилась, с другой стороны, стала более размытой в культурно-цивилизационном плане; теперь имя «глобализация», пожалуй, более адекватно отражает ее сущность, чем «вестернизация». Мондиализм, неолиберализм, открытие рынков, снижение пошлин, минимизация государственного вмешательства (особенно в чужих странах) – основные идеологии соответствующих мировых сил.

Мегатенденция II, *протестная и изоляционистская*, включает национальные движения, а также создание союзов и блоков, противодействующих вестернизации и глобализации. Подъем мусульманского фундаментализма, антизападная политика и риторика Кубы, Ирана и Северной Кореи, левый поворот в Венесуэле, отчуждение России от Запада, ее попытки создать политические и военные блоки в противовес НАТО, националистические, особенно антиамериканские, движения во множестве стран – все это проявления Мегатенденции II.

⁴ Ср.: Гринин, Л.Е., Коротаев, А.В. Социальная макроэволюция: генезис и трансформации Мир-Системы/ Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

⁵ Розов, Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены [Эл. ресурс]/ Н.С. Розов. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/fti/>, свободный. Гл. 5.

⁶ Розов, Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития/ Н.С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992. Гл. 4.

Она не столь сильна и глобальна, как Мегатенденция I, но, все же, до сих пор составляет значимую и драматическую антитезу последней, иногда прорываясь в яркие исторические события (Кубинская революция, Иранская революция, многочисленные теракты).

В геоэкономическом аспекте Мегатенденция II потерпела сокрушительное поражение при распаде Варшавского блока и СССР. Теперь она выражается в спорадических попытках национальных правительств выдвинуть заслоны зарубежной продукции, банковской экспансии, остановить отток капиталов и мозгов и т. д. Тот факт, что кризис мировой экономики 2008 г., практически никак не способствовал консолидации и укреплению сил Мегатенденции II, свидетельствует о ее слабости и бесперспективности (ср. со следствиями Великой депрессии начала 1930-х гг.).

Однако сбрасывать со счетов мировые силы агрессивного протеста нельзя. Хорошо известно, что мусульманские страны, шедшие в эпоху «холодной войны» по «некапиталистическому пути развития», т. е. находившиеся под влиянием коммунистической идеологии и СССР как тогдашнего флагмана протестной Мегатенденции II, стали затем в первые ряды антизападной политики, либо превратились в расадники исламского фундаментализма, долговременные очаги насилия и нестабильности (Ирак, Палестина, Алжир, Боливия, Сирия, Ливан, Сомали и т. д.).

Идея «построения Коммунизма во всем мире» вполне органично переросла в идею «всемирного Халифата». Разумеется, идеологически этот проект уже далеко не столь универсален и привлекателен, экономические, военные, административные ресурсы «сил Халифата» на порядки меньше, чем были «силы мирового социализма».

Однако появились террористические сети, пусть не глобального, но весьма широкого распространения. Сам терроризм, хоть и является «оружием слабых», но представляет острейшую проблему, причем, уже не только для Западного мира, но и для России. Именно в разнообразных формах террористических сетей, организованного пиратства, международной нелегальной торговли оружием и наркотиками, разрастания безгосударственных зон насилия проявляется Мегатенденция II в начале XXI века.

Мегатенденция III была обозначена как «*Многополюсное партнерство*». Ее носители ориентируются на экологические, демократические, гуманистические принципы. Признавалась ее слабость, утопичность, присутствие скорее, в публицистике и программах прогрессивных партий и движений развитого мира, чем в реальной политике⁷.

Увы, за прошедшие годы усиления не произошло. Сохраняются экологические, пацифистские и правозащитные движения, появился «альтерглобализм», но пока видимого успеха нет. Намечается «маркетингизация» Мегатенденции III и встраивание ее в Мегатенденцию I, например, в форме навязывания ведущими странами и компаниями жестких экологических норм при собственной монополии на удовлетворяющие этим нормам технологии (явление, структурно сходное с тем, как первоначально протестная рок-музыка стала обычным товарным сектором буржуазного истеблишмента).

Глобальный транзит без глобального конфликта?

Однополярность, биполярность, многополярность – слишком примитивные схемы для нынешнего сложного, динамичного и крайне несимметричного мира. При проектировании нового мирового порядка следует учитывать эту сложность, работая с ней на четырех основных уровнях: *глобальном* (ООН и ее обновленные структуры), *региональном* (крупные державы-лидеры, берущие на себя ответственность за сохранение мира и добрососедства в сво-

⁷ Там же.

ем мировом регионе), *национальном* (национальные государства, включающие державы, способные вести военные действия на региональном или глобальном уровнях), и *субнациональном – провинциальном* (межэтнические конфликты, мятежи и подавление мятежей при эскалации насилия уже не могут быть делом только национального правительства, причем, это касается также западных стран, переживающих массивную иммиграцию).

Мировой порядок в геополитическом аспекте всегда будет предполагать структуры силового принуждения и механизмы мирного, дипломатического решения возникающих проблем и конфликтов. Сейчас уже на трех верхних ярусах есть такие структуры: миротворческие силы ООН, региональные военно-политические блоки (сильнейший среди которых – НАТО) и национальные вооруженные силы. Как же обстоит дело с механизмами принятия решений на международном уровне?

В настоящее время основные силовые и дипломатические структуры расположены на национальном уровне как оборонные ведомства и МИДы, ориентированные, главным образом, на контакты с другими МИДами. На региональном уровне одиноко возвышается громада НАТО с доминированием США. Остальные региональные блоки либо также созданы Америкой еще во времена «холодной войны», либо имеют пока рыхлый и неустойчивый характер (ШОС и др.), либо недавно созданы и только формируют свою субъектность (внешне-политическое ведомство ЕС).

На глобальном уровне обладающие формально высшим статусом Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН в последние два десятилетия показывают слабость и неэффективность.

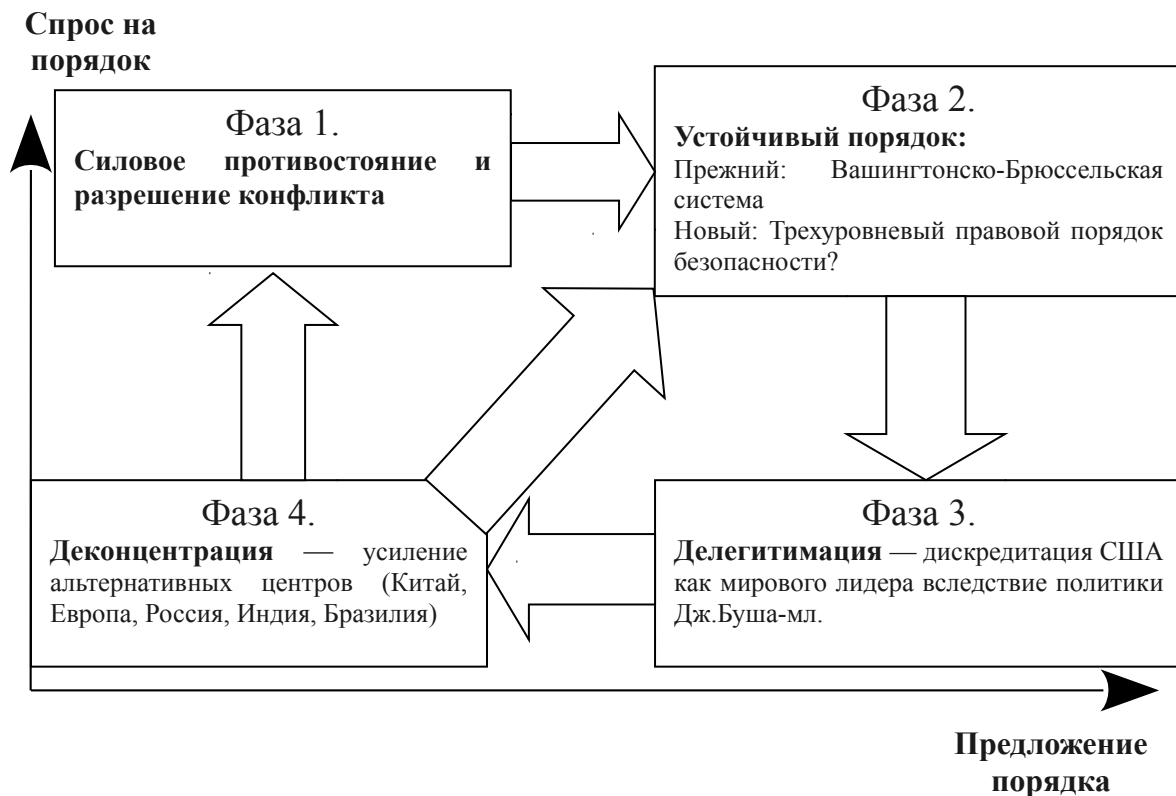

Рис. 3. Перспектива перехода к новому мировому порядку в рамках модели циклов гегемонии Дж. Модельски.

Обращает на себя внимание растущее расхождение между формальной структурой (Генеральная Ассамблея ООН и Совет Безопасности) и реальными структурами принятия важнейших международных решений (США и НАТО, G7 и G8, группа 13, группа 20 и т.д.⁸).

Идеи руководства США по построению «многопартнерского мира» (созданию временных альянсов для решения конкретных проблем), очевидно, направлены на продолжение американского глобального доминирования, поскольку при фактическом отсутствии формальных сдерживающих структур в каждом временном альянсе будет господствовать сильнейшая держава – США.

Однако, период почти общепризнанного доминирования «единственной сверхдержавы» завершился при общем осознании неутешительных итогов Иракской авантюры (фаза «Делегитимация»⁹). Фактически мир сейчас переживает сильно смягченную фазу «Деконцентрации» (рис. 3).

До «Конфликта» дело пока не доходит, но только из-за отсутствия явных держав-претендентов («челленджеров»). Иран слаб для этого (не говоря уже о Венесуэле, Кубе, Северной Корее). Российское руководство заблокировано своими интересами на Западе и внутренними проблемами, кроме того, антизападная риторика, судя по всему, является в России в большей мере инструментом манипулирования общественным сознанием, но не действительной идеологией правящей группы.

Китай слишком мудр для открытого противостояния мировым лидерам, к тому же, его активность на внешней арене тормозится остающимися проблемами массовой бедности и контроля над этническими провинциями (Тибет, Уйгурия и др.). Япония, Индия, Турция, Бразилия, Аргентина, Мексика либо уже интегрированы в западный истеблишмент, либо стремятся к этому.

Появляется весьма перспективная возможность установления нового мирового порядка – перехода к фазе 2 «Устойчивый порядок» напрямую, обойдя фазу 1 «Конфликт». Страны, желающие расширить свое влияние, объективно заинтересованы не в дальнейшем ослаблении формальных обязывающих международных институтов (что развязывает руки мировому гегемону), а в их развитии и укреплении.

Совет Безопасности ООН – проблема закрытости и дееспособности

Со времени своего основания Совет Безопасности ООН (СБ) работал в большой мере в качестве «морозилки» – для консервации глобального геополитического status quo после победы союзников в 1945 г. Этот замороженный порядок «потек» с 1989-1991 гг., поэтому вполне закономерно снизились реальная значимость и авторитет СБ. Сейчас он нуждается не только в расширении и новой легитимации, но и в новых функциях – отслеживать динамику главных очагов напряженности в мире, взаимодействовать с региональными структурами, совместно с ними разрабатывать общую, справедливую и легитимную в глазах мирового сообщества стратегию по разрешению конфликтов.

СБ также не должен оставаться «закрытым клубом победителей». Давно назрела необходимость расширить СБ (очевидно, включив в него Германию, Японию, Индию, Бразилию, возможно, Южную Африку). Следует разработать четкие и, вероятно, весьма строгие условия вхождения в него новых стран, связанные с величиной населения и ВВП, с продолжи-

⁸ См. об этом подробнее: Малаян, Р. Международные организации в формирующемся миропорядке/ Р. Малаян // Космополис. – № 1 (20). – Весна 2008.

⁹ Модельски, Дж. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия / Война и геополитика. Альманах «Время мира». Вып. 3/ Дж. Модельски. – Новосибирск, 2003. – С. 455-485.

тельным и ответственным поддержанием мира на своей и прилежащей территории, с опытом миротворчества, с готовностью предоставить значительный потенциал для сил ООН и проч.

Следует сказать, что в структурах ООН достигнуто вполне адекватное и масштабное понимание современных угроз глобальной безопасности, способов их преодоления¹⁰. Не хватает только механизмов реализации соответствующих планов, должной консолидации стран, даже на региональном уровне, не говоря уже о глобальном.

Насколько оправдан в современных условиях статус СБ ООН как верховного рефери по вопросам мировой геополитики, полномочного давать санкции державам и региональным структурам (тому же НАТО) на применение военной силы?

Требуются такие силовые и дипломатические структуры на региональном и глобальном уровнях, которые, с одной стороны, были бы достаточно авторитетны и эффективны для поддержания мира, с другой стороны, не давали бы возможности сильнейшим державам проводить силовые акции за пределами своей территории без согласия партнеров и сугубо в собственных интересах.

Нужна двухъярусная система международных судов по проблемам безопасности

Базовым является вновь правовой принцип, центрированный на международной судебной системе с двумя ярусами: глобальным и региональным.

Для первого яруса есть прототип – международный суд в Гааге. К сожалению, нет не только практики, но даже идей судебного разрешения самых острых, чреватых военными действиями международных конфликтов (Израиль-Палестина, США-Ирак, США-Афганистан, Россия-Грузия). Парадоксально, что даже такие страны как США, во внутренней политике которых авторитет суда непререкаем, во внешней политике ориентированы либо на решения закрытого «пакта победителей» – Совета Безопасности ООН, либо на собственный произвол (бесславные военные акции в Афганистане, Косове-Сербии и Ираке).

Ситуация изменится кардинальным образом, когда появится *международный суд под эгидой ООН* (оптимально – за пределами Западного мира, что будет иметь важное символическое значение) по вопросам безопасности, демаркации границ, сепаратизма /самоопределения наций, расположения военных баз, крупных военных операций, особенно, за пределами своих границ, конфликтов, связанных торговлей оружием и наркотиками и т. п.; когда такой суд возьмет на себя решение всех серьезных конфликтов в соответствии с международным правом, а сильнейшие мировые державы с этим согласятся, когда он обретет необходимый авторитет и легитимность, не будет восприниматься в мире как орудие западных держав для возмездия «провинившимся».

В трехъярусной структуре (с национальным, региональным и глобальным ярусами), вероятно, должен быть установлен *принцип субсидиарности*, хорошо показавший себя в функционировании Европейского Сообщества (все локальные проблемы решаются на максимально низком уровне иерархии и только при необходимости передаются на более высокие уровни).

¹⁰ В «Докладе Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам» перечислены шесть блоков угроз: 1) война между государствами; 2) насилие внутри государств, включая гражданские войны, массовые нарушения прав человека и геноцид; 3) нищета, инфекционные болезни и экологическая деградация; 4) ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие; 5) терроризм; 6) транснациональная организованная преступность. Для борьбы с этими угрозами рекомендуется «политика предотвращения», создание сети международных и региональных организаций, координирующих деятельность национальных государств (см.: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. 2005 [Эл. ресурс]. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/secureworld/report.htm>, свободный).

Соответственно, необходимы *региональные международные суды* по тем же вопросам, полномочные принимать решения по внутрирегиональным конфликтам.

Другой важный принцип – общественный и правовой контроль над работой не только национальных, но также региональных и глобальных структур, что должно проявляться в опубликовании документов, регулярных пресс-конференциях и проч. Дело в том, что политики даже противоборствующих стран могут быть (и часть бывают) заинтересованы не в решении, а в затягивании и даже обострении конфликтов, а иногда и в развязывании войн. Открытость ведущейся политики и общественный контроль служат хоть и не абсолютным, но достаточно высоким барьером для реализации такого рода стратегий.

Региональные силовые структуры получают авторитет после ряда успешно разрешенных конфликтов в соответствии с решениями международных судов.

Провинции – безоружны, но защищены

Неслучайно в образ трехъярусной системы безопасности был оставлен «за бортом» нижний уровень провинций (областей, земель, штатов, в России национальных краев и республик – Субъектов Федерации). Появление и укрепление национальных государств привело к монополизации военной силы на подконтрольных территориях. Нет разумных доводов в пользу нарушения этой монополии, зато известно множество межэтнических конфликтов, в том числе, резни, «этнических чисток» как со стороны центральных правительств, так и со стороны мятежных провинций.

Провинции, в том числе, этнические анклавы, должны остаться демилитаризованными (между прочим, это напрямую касается и нынешней Чечни, где Москва явно утратила монополию контроля над вооруженными силами). При этом, они оказываются в слабой позиции перед лицом национальных правительств, контролирующих армию. Поэтому права и свободы жителей провинций, этнических меньшинств должны с особым тщанием обеспечиваться международными судами и подчиненными им силовыми структурами (вначале региональными, затем глобальными).

Здесь также действует принцип субсидиарности. Если не решаются проблемы и конфликты на местном уровне, то подключается национальное правительство. Уже на этом этапе для легитимации своих действий оно должно привлекать региональных наблюдателей¹¹.

Если национальное правительство не справляется (продолжается межэтническое насилие, исчезновение людей, терроризм и т. д.), то потерпевшая сторона обращается в международный региональный суд. Его решения выполняют все признающие судебный авторитет силы, при конфликтах – региональные структуры (местные военные альянсы).

В самых крайних случаях конфликт становится предметом разбирательства в международном суде глобальной юрисдикции и смежных структурах (СБ ООН и др.), привлекается более широкая международная помощь (причем, «жесткая сила» – самый последний пункт в программе действий).

Отличить лидерство от гегемонии

Как же быть с большим сохраняющимся американским превосходством? Реальное различие сил, военно-политического и экономического потенциала нельзя устранить ни формально-уравнительными правилами (одна страна – один голос и проч.), ни введением международных судов. Их авторитет быстро рухнет, когда мировая сверхдержава откажется выпол-

¹¹ Например, при разрешении конфликтов на Северном Кавказе нужно не закрываться всеми силами от международного контроля, а напротив, привлекать наблюдателей, прежде всего, из Европы и Турции.

нять судебные решения. Принципиальное решение состоит в последовательном проведении различия, вслед за Грамши и Арриги, лидерства и гегемонии.

Лидерство страны означает определение общих целей, прокладывание пути для всех других стран, выработку новых полезных всем образцов, общих справедливых правил международного взаимодействия (игра с ненулевой суммой). Лидерство сопряжено с *ответственностью* – готовностью и способностью решать возникающие общие проблемы. Лидер преимущественно использует *мягкую силу* по Дж. Наю – демонстрирует привлекательность предлагаемого пути¹². Лидер прибегает к *жесткой силе* лишь в крайних случаях, легитимно (с санкции СБ ООН, в будущем – с санкции авторитетного международного суда) и при поддержке широкой международной коалиции.

Гегемония страны означает использование силы и влияния для получения преимуществ, обычно в ущерб другим странам, навязывание своих образцов в корыстных целях, создание правил взаимодействия, выгодных для своей страны и невыгодных для других (игра с нулевой суммой). Гегемония сопряжена с *автономией от ответственности* и огораживанием своей страны от внешних проблем – склонностью перекладывать потери, груз решения проблем на слабейших. Гегемон может иногда использовать *мягкую силу*, но главную ставку делает на *жесткую силу* (политическое давление, экономические санкции, втягивание зарубежные правительства во внешние долги, военное вмешательство и соответствующие угрозы).

Универсальная традиция политической риторики состоит в *претензиях на лидерство при подспудном стремлении к гегемонии*.

Действительно, на словах все стремятся к лидерству: США и Европа – в мире, Китай и Индия – в Азии, Иран – в мусульманском мире, Россия – на постсоветском пространстве. На деле, все в разной степени стремятся заполучить гегемонию. Новый мировой порядок будет более справедливым, гуманным и устойчивым, если удастся выстроить формальные и неформальные институты, способствующие тому, чтобы «дела приблизить к словам», чтобы каждый претендент на лидерство (и гегемонию) в мировом регионе делал и соразмерный вклад в развитие этого региона.

Никто не сможет запретить США претендовать на глобальное лидерство, но в новом мировом порядке оно будет сопряжено с ответственностью и весьма существенными затратами на развитие во всех тех регионах, где Америка стремится лидировать. Новые глобальные и региональные структуры призваны одновременно связывать и направлять разного рода активность.

Принципиальный подход состоит в том, чтобы:

а) сделать общеизвестным и общезначимым, достоянием публицистики, общественного мнения различие лидерства и гегемонии;

б) тесно связать лидерство с *правотой* как неукоснительным следованием *нормам международного права*;

в) *гегемонию*, напротив, трактовать как постоянную *угрозу нарушения международного права*, что нарушает интересы и достоинство всех других государств – участников международного взаимодействия;

г) создать механизмы взаимного контроля, чтобы под видом «лидерства» ни одна держава не достигала чрезмерной, опасной или невыгодной для других гегемонии;

д) претензии к странам-гегемонам (например, Кубы – к США) и обратные претензии (например, США – к Ирану или Северной Корее) решать в региональных международных судах, а затем – в международном суде глобальной юрисдикции при ООН.

¹² Nye, J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics/ J.S. Nye. – New York: Public Affairs. – 2004.

Россия и Запад: трансформация базового отношения

Рассмотрим вначале возможности модификации базовых геокультурных и геополитических отношений между Россией и Западом.

Можно смело утверждать, что в рамках бинарной структуры Россия-Запад, тем более, в условиях борьбы за геокультурное, геоэкономическое и геополитическое влияние на постсоветском пространстве никакое излечение от извечного метания России между заносчивым «особнячеством» и послушным «западничеством» не возможно. «Потеря» Прибалтики, Грузии, Украины, Молдовы, а также бездумная телепропаганда резко усилили массовые антизападные настроения в России; в то же время, объективные потребности в технологическом и социально-экономическом развитии, рост мирового терроризма, нарастание нестабильности диктуют союз с Западом. Европейство России, тягу России к Европе не отменить (даже сталинский «железный занавес» не помог).

Пока подросток выясняет со взрослым, «кто главнее», пока невротик наедине со всем миром мечется от самовозвеличивания к самоуничтожению, шансы на взросление и выздоровление почти нулевые. Ситуация кардинально меняется, если человека удастся вовлечь в солидарное партнерское сообщество с общей деятельностью, в которой таланты и усилия этого человека дают видимые всем плоды и отдачу. Кажущаяся далекой аналогия, на самом деле, выражает глубокие инварианты социальной действительности, действующие на всех уровнях — от микро- до макро-.

Итак, России *вместе* с Европой (Западом?) нужно найти такую общую деятельность, которая позволила бы России избавиться от метаний, реализовать свой потенциал, завоевать тем самым престиж, не поступаясь исконными святынями.

Эта общая деятельность должна, прежде всего, отвечать долговременным интересам России, быть по каким-то параметрам выгодной и значимой для Европы, а также отвечать общим глобальным трендам (в позитивной их части).

Позитивные тренды и перспективы цивилизаторской миссии

Долговременными глобальными трендами, которые, несмотря на известные издержки, можно смело трактовать как позитивные, являются:

1. индустриализация, урбанизация, развитие транспортной, энергетической, коммуникационной инфраструктуры, информатизация, технологический прогресс, коммерциализация (расширение рынков товаров и услуг);
2. повышение общего уровня образования, развитие науки, культурного производства;
3. развитие систем социальной защиты, развитие институтов, защищающих интересы и права граждан;
4. пацификация (умиротворение конфликтов, построение надежных систем международной безопасности).

В чем состоит стратегический интерес России? Оставим глобальные амбиции: реально воздействовать на Африку, Южную Америку, Океанию Россия в ее нынешнем положении и не может, и это ей ни к чему. Речь должна идти о Евразии, прежде всего, *самой территории России и прилегающих регионов (Лимитрофа)*.

Указанные выше тренды могут осуществляться в Евразии на европейский, американский, российский, китайский, индийский, японский, арабский, иранский, турецкий манер.

Зависит же это напрямую от силы геополитического, геоэкономического и геокультурного влияния соответствующих центров в разных регионах Евразии, а также от силы и эффективности альянсов между такими центрами.

Наиболее патриотично смотрелась бы борьба за «русский путь», однако уж слишком многие «но» тому препятствуют:

- бесславный распад СССР и дискредитация «русского коммунизма»,
- страхи перед новорусским имперским реваншизмом,
- весьма скромный мессианский потенциал современного православия,
- широко известные в мире сырьевой перекося в российском экспорте (периферизация экономики),
- коррумпированность государства.

Главное же — никакой внятной идеи кроме нового витка принудительной мобилизации и борьбы против мировой гегемонии Запада вообще и США, в особенности, в пресловутом «русском пути» не содержится. При таких условиях не стоит даже вступать в конкуренцию с «китайским», «западным», «мусульманским» путями обустройства Лимитрофа, тем более, всей Евразии.

Ситуация меняется радикально при создании разумных альянсов. Главный и наиболее перспективный альянс для России практически по всем направлениям — это союз с Европой, объективно конкурирующей с США в мире, но лучшие шансы имеющей именно в Северной и Центральной Азии. *Российская территория при таком подходе становится главным плацдармом для европейско-российской цивилизаторской роли.* Новое звучание обретает незаслуженно осмеянный и полузабытый лозунг времен Перестройки — Европа от Дублина до Владивостока.

Очевидно, что сам плацдарм должен получить более высокое развитие (плотность дорог и коммуникаций, производственные цепочки, сеть научно-технологических центров, налаженные рыночные и финансовые институты) для последующей экспансии вовне. Урал, Сибирь и Дальний Восток должны стать первым центром внимания для цивилизаторской европейско-российской активности. Значимость Сибири при этом действительно возрастает¹³.

Революционным шагом в этом направлении был бы перенос столицы, по меньшей мере, крупнейших экономических министерств на восток страны — предположительно в Западную Сибирь. Такого рода идеи неоднократно высказывались¹⁴, есть политико-экономические и экономгеографические обоснования.

¹³ Цымбурский, В.Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: Цивилизация и ее геополитика/ В.Л. Цымбурский. — М. 2000.

¹⁴ Р.В. Вишневыский предлагает такой план: «Следует выделить 7-8 перспективных регионов, которые могли бы стать точками роста в России. Претендентами на это смотрятся Санкт-Петербург, Екатеринбург, Сочи — поскольку в него и так планируется вложить большое количество денег, один из трех регионов Поволжья: Нижний Новгород, Казань и Тольятти, у каждого из которых есть свои плюсы и минусы. Казань интересна с точки зрения укрепления федерализма, Нижний Новгород как экономический центр региона, а Тольятти для компенсации городу потерь, причиненных проблемами на «АвтоВАЗе». Также это должен быть один город в Сибири, скорее всего, Новосибирск и один город на Дальнем Востоке — Владивосток или Хабаровск. Москва, например, может остаться местом пребывания президента. В каждый из городов следует вынести одно или несколько федеральных министерств, а также фактически в приказном порядке потребовать ведущие компании перерегистрировать свои штаб-квартиры в одном из этих городов России. Полагаю, что можно предоставить корпорации право выбора города расположения штаб-квартиры. Перенесение федерального министерства должно сопровождаться полным переездом его штата в этот город, либо же с увольнением старых специалистов и набором новых на новом месте» (см.: Вишневыский, Р.В. Перенос Третьего Рима [Эл. ресурс]/ Р.В. Вишневыский. — Эл. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.slon.ru/blogs/vishnevsky/post/305750/>, свободный).

Сама мысль о таком переносе многим до сих пор фантастической и неосуществимой. Однако тренд запустения востока России при одновременном росте могущества и демографического, геополитического давления Китая продолжается. Без революционных решений и действий, началом которых будет знаковый перенос крупных министерств, отвечающих за развитие восточных регионов страны, угрозы потери огромных окраинных территорий будут неуклонно расти.

При этом, вовсе не обязательно городить новый мегаполис или располагать столицу в мегаполисе (Екатеринбурге, Новосибирске или Красноярске). Путь строительства специализированного административного центра на новом месте показал себя вполне эффективным (Вашингтон, Бразилиа, Астана). Кроме того, идея субсидиарности, децентрализации бюджетной политики, возможно, только при условии такого переноса станет реализуемой¹⁵.

От циклической пробуксовки – к мегатенденции «лифт»

Теперь рассмотрим, что обещает предлагаемый план европейско-российской цивилизаторской миссии в соответствующем концептуальном каркасе.

Развивающаяся система горизонтальных договоров естественным образом приводит к учету интересов участников, позитивному опыту сотрудничества и *социальному резонансу*. Европейско-российская цивилизаторская миссия в Северной, Центральной Азии и на Кавказе включает целый комплекс динамических стратегий: коммерческую, культурную, социоинженерную, технологическую, миграционную.

Возникают три кардинальных вопроса:

1. будет ли отдача (насколько результаты оправдывают затраты, — причем, не только в коммерческом смысле)?
2. насколько велико ресурсное пространство для развертывания динамических стратегий в случае хорошей отдачи?
3. какие ожидаются противодействия и тормозящие, угнетающие факторы?

Вообще говоря, эти вопросы требуют самостоятельного исследования. Здесь будут приведены только наиболее очевидные доводы.

Цивилизаторская миссия — это всегда большие затраты с отсроченной отдачей. На первом этапе для азиатской части России отдача состоит в индустриализации и новой волне заселения этих территорий. На втором этапе, для прилежащих азиатской части России стран отдача состоит в расширении зоны развитой инфраструктуры, образованного населения, стабильности и благополучия, что, в свою очередь, означает рост новых потребительских рынков для товаров, услуг и культурной продукции России и Европы, снижение нелегальной и нежелательной иммиграции.

Ресурсное пространство измеряется территорией, населением и энергетическим потенциалом Северной и Центральной Азии — его точно хватит на реализацию динамических стратегий в течение нескольких поколений.

Европейско-российскому цивилизаторскому альянсу, вероятно, в большей или меньшей мере будут противостоять США (с Японией), претендующие на глобальное доминирование, Китай — негромко, но эффективно *уже проводящий собственную цивилизаторскую*

¹⁵ В России характеристики географического центра страны, относительно теплого климата, неплохой экологии, просторной площади для строительства и благоприятного природного ландшафта сочетаются, например, на юге Алтайского Края — у кромки гор (родина Василия Шукшина, между прочим). Москва же, как древний исторический центр и одна из мировых культурных, интеллектуальных, экономических столиц, отнюдь не будет обижена, наоборот, вздохнет свободнее.

миссию в Азии, а также арабо-мусульманский мир, ревностно оберегающий свои земли от экспансии «неверных».

Заметим, что напряженность отношений Америки с мусульманским миром (актуальная) и с матерюющим Китаем (потенциальная), гораздо интенсивнее, чем возможное противостояние китайцев и мусульман предлагаемому европейско-российскому цивилизаторскому альянсу. Эти внутренние противоречия в рядах вероятных конкурентов на просторах Евразии — залог востребованности европейской переговорной культуры в разломах Лимитрофа. Появляется шанс для нового, теперь уже не циклически буксующего, а неуклонного подъема и расцвета России.

В богатой, славной и трагической русской истории было почти все, кроме мегатенденции «лифт» — устойчивого автокаталитического положительного контура тенденций роста и структурного развития (принудительно-мобилизационные периоды, приводившие к триумфам и величию, не воспроизводились, буксовали всплесками кратких циклов, переходили к стагнации и разложению¹⁶. Однако, нет абсолютных, принципиальных препятствий для создания и складывания нового пути развития России — комплекса динамических стратегий, переходящих в мегатенденцию «лифт».

Выявленный стратегический вектор для России — это, конечно же, не рецепт излечения, но шаг в самоопределении и указание на открывающееся смысловое пространство политических и философских дискуссий о будущем страны.

Достижение Россией влияния, могущества и престижа на международной арене

Такое возможно только при здоровой и динамично развивающейся социальной и экономической системе, для чего, в свою очередь, необходима *институциональная революция*¹⁷, массивная модернизация организационного управления, инфраструктуры и технологий; а для этого, в свою очередь, необходимы прочные союзы с наиболее модернизированными странами (Германия, Франция, Великобритания, страны Скандинавии, США и Канада).

По многим причинам Россия отодвинута к периферии в мировом экономическом пространстве. Чтобы придвинуться ближе к центру, нужно не бряцать оружием и не перекрывать газовые вентили, а напротив — искать, чем привлечь центры мировой экономической активности.

Как говорилось выше, в интересах России — отнюдь не распад нынешней системы американской гегемонии, а ее медленная эволюция в сторону большего влияния и участия других мировых сил. Предпочтительные союзники в такой стратегии: Объединенная Европа, Турция, Индия, Южная Корея, Бразилия, возможно, Мексика.

Достижение морального, культурного и геополитического престижа России возможно только через *последовательную внешнюю политику, основанную на четких принципах*. С учетом известных традиций и амбиций таковыми должны быть:

а) принципы справедливости и равенства в международных отношениях, устранения «двойных стандартов», пресечение манипулирования общими правилами со стороны сильнейших держав;

¹⁶ Розов, Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Н.С. Розов // Полис. — 2006. — № 3. — С. 74-89.

¹⁷ Розов, Н.С. Колея и перевал: макросциологические основания стратегий России в XXI веке [Эл. ресурс] // Н.С. Розов. — Эл. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/kol-per.htm>, свободный.

б) строгое соблюдение международного права, договоров при последовательной критике и изменении тех норм права, которые не соответствуют принципам справедливости и равенства;

в) последовательная и надежная защита малых и слабых стран от давления, притеснения, эксплуатации со стороны сильнейших держав;

г) направленность на повышение авторитета и эффективности обновленных глобальных структур (СБ ООН, международный суд ООН по безопасности), на создание и легитимацию региональных правовых и силовых структур.

Как сочетать скромность и твёрдость в геополитике

Вместо межеумочного метания между «Западом» и «российской самостью»¹⁸, вместо неуклюжих попыток встать вровень с такими гигантами современной мировой политики как США и Объединенная Европа, следует проявить одновременно скромность и твердость (чему вполне можно поучиться у Китая).

Скромность — в признании своих серьезных внутренних проблем, в готовности поддерживать чужие инициативы, особенно, если они соответствуют образу желаемого глобального будущего (в варианте, представленном выше, или ином).

Твердость — в защите принципов справедливости и международного права. Фактически такая позиция и означает устойчивый союз с силами гуманистической Мегатенденции III как внутренней конструктивной оппозиции для глобализующей Мегатенденции I.

Практически речь идет об активизации дипломатии в союзе с европейскими партнерами в сфере институциональных изменений международной системы в направлении:

а) утверждения верховенства права в международных отношениях не на словах, а на деле — через учреждение авторитетных судов,

б) самоограничения мировых экономических элит,

в) поддержки беднейших социальных слоев и регионов, развития соответствующей инфраструктуры, образования, гражданских институтов и проч.

Если России удастся стать одним из движителей гуманистической Мегатенденции III, то она резко повысит свой престиж и влияние, получит надежных союзников, повысит свою безопасность во многих аспектах.

Требуются также долговременные и масштабные инвестиции в *мягкую силу* (образование элиты, переводы, поддержка изучения русского языка и культуры, научный и образовательный обмен, совместные творческие проекты и проч.) для восстановления притягательности России в Ближнем Зарубежье (читай, Лимитрофе), причем, без раскалывающей сегрегации по национальному признаку.

Итак, политика достоинства и величия России — это внутренние институциональные преобразования, рост мирного престижа в международном правовом порядке, совместная с Европой цивилизаторская миссия, наращивание культурной привлекательности. Экономическую основу для всего этого должен составить подъем России в миросистемной геоэкономической иерархии, но это уже отдельная тема.

¹⁸ Шевцова Л. Доктрина межеумочности // Ежедневный журнал, 3 июля 2009 г. [Электронный ресурс]/ Л. Шевцова. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ej.ru/?a=note&id=9223>, свободный.